ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2021, Том 1, №3

Подписано к публикации: 5.07.2021

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иванова) – доктор филологических наук, доцент*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2021

Содержание

Жирова И.Г.
МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ 4-11

Митус И.В.
КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО
РАЗНООБРАЗИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ 12-19

Целковников Б.М.
ИСТОРИЗМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ЦЕРКОВНЫХ»
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАДИГМ 20-27

Ширкунова А.В.
ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКОЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ 28-33

Жирова И.Г., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: отказ отечественных масс-медиа от тоталитарных основ функционирования и предоставления приоритетности либеральной модели и модели социальной ответственности СМК сопровождались процессами коммерциализации и политизации медиа. С начала 90-х наблюдались и наблюдаются процессы воздействия на общественное мнение с помощью медиа-инструментария, формирования медиаконтента в соответствии с потребностями рекламодателя, комодификации медиа-аудитории и другие тенденции, свидетельствующие о необходимости критически относиться к отдельным видам функциональности СМК, взвешенно подходить к медиапродуктам. Таким образом, характером функционирования масс-медиа на современном этапе продиктована потребность во внешних регулирующих и контролирующих факторах, которые бы корректировали медиапрактику и на уровне основ, и на уровне результатов журналистской деятельности. Потребность в саморегулировании медиасферы привела к возникновению медиакритики как отрасли гуманитарного знания, весомого сегмента медиасистемы. Медиакритика стала весомым ограничителем деструктивных воздействий масс-медиа на психику человека, которая в стремлении получения коммерческих или политических прагматических результатов воспринималась и воспринимается медиаотраслью как объект влияния.

Ключевые слова: модель, журналистика, медиапространство, развитие, система

Как свидетельствует А. Чекмышев, уже начиная с 90-х годов прошлого века, в РФ появляются негосударственные исследовательские центры, специальные рубрики в СМК и даже отдельные издания, основной задачей которых становится анализ медиаконтента, факторов влияния на него и последствий восприятия массовой информации аудитории.

Среди объектов внимания и продуктов медиакритики, имеющихся в украинском информационном пространстве, Ю. Голодникова выделила: журналистские рецензии, аналитические и обзорные статьи о телепроекты и их создателей, этические вопросы, скандалы в масс-медиа, технологии влияния на общественное мнение, мониторинг телевизионных новостей, оценку медиаподей, анализ тенденций развития масс-медиа, экспертные оценки медиапродукции.

Характеризуя предмет медиакритики, В.П. Михайлюта отмечает, что им «является новое медиапространство в журналистике, занимающейся мониторингом медиапродукта и, этим самым, берет на себя функции регулятора в системе профессионального регулирования норм деятельности журналистов и других создателей медийного содержания». Исследовательница также определяет медиакритику как дисциплину, которая способствует пониманию необходимости соблюдения этических, правовых норм деятельности журналиста, полученных в курсах теоретических профессиональных дисциплин.

Значительный вклад в развитие медиакритики на территории РФ сделал Б. Потонин, который охарактеризовал медиакритику как главный механизм саморегуляции медиа в соответствии с концепцией социально ответственной прессы, предусматривающей приоритет социальных функций СМИ над коммерческими целями. Одной из ведущих функций медиакритики считают защиту отдельного индивида от психологических перегрузок манипулятивными практиками, а также информационной оболочки Земли (ноосферы) от стирания границы между традиционной и виртуальной реальностью [1].

Таким образом, раскрывая функциональность медиакритики отечественные исследователи указывают на различные виды медиаопасности для общества и риски потребления медиаконтента. Проблематизируют при этом коммерциализацию, таблоидизацию, пиаризацию контента, деструктивное влияние медиапродуктов на психику реципиентов, информационную тревожность, проявляющуюся в замалчивании острых тем или их неполной и ограниченной артикуляции [9].

Первые попытки критического осмысления деятельности медиа на западе известны с начала XX века. Одним из первых критиков в США, в частности, был Г.Л. Менкен, который указал массовизацию печатных СМК на тенденцию. Он обратил внимание профессиональных журналистов и публицистов на принципиальное отличие журналистики 20-х годов от журналистики, в которую он пришел на рубеже XIX-XX вв. Г.Л. Менкен также сформулировал ряд ключевых проблем, которые мешали, на его взгляд, развития американской прессы. Среди проблем, на которые указывает Г.Л. Менкен – отсутствие профессиональной критики состояния журналистики; недостоверность информации, которую ретранслируют журналисты обществу; получение журналистами превалирующего массива информации от пресс-агентов и пресс-служ; идентичность изданий, принадлежащих одному синдикату; ангажированность политических репортеров.

При этом одной из острейших проблем он считал зависимость труда журналиста от требований рекламодателей. В яркой публицистической манере американский исследователь сформулировал свое видение этой медиапроблемы следующим образом: «Газетчики Республики были почти так же довольны, как и федеральные судьи, киномагнаты или армейские генерал-майоры. Их заработки с начала века росли, и журналист, несмотря на свою скромность, стал чувствовать свою силу ... Но сердце его счастья, увы, подтачивал плодовый червь. Остался у него один епобежденный враг, которого и нельзя было обезвредить, – управляющий. Он при желании мог уволить журналиста.... Все они были под копытом управителя, а тот думал только о рекламе. И если рекламодатель жаловался, что его честь поставлена под сомнение, летела голова».

Характерно, что сегодня американские медиакритики применяют тот же подход, рассматривая состояние современной журналистики страны сквозь призму ее исторического развития и актуализируя проблемные аспекты современной медийной отрасли.

В Германии медиакритика начала развиваться в XIX веке. Ее объектом была поверхностность, недобросовестность журналистской деятельности. Одним из самых известных австрийских критиков считается писатель Карл Краус, который в течение 37 лет издавал журнал «Факел», целью которого было «уничтожение журналистики». Скрупулезно сопоставляя мельчайшие события с их медиаверсиями, К. Краус отслеживал постепенное наращивание в медиапроизводстве практики искажения, но и впоследствии

и конструирование реалий. С досадой он констатирует: «газетные новости перестали быть сообщениями о событиях, а журналисты перестали выполнять свою работу». Регресс массмедиа он связывает с выполнением ими не свойственных им функций: вместо информирования, журналисты «начали распространять мысли, провоцировать эмоции, популяризировать научные теории, продвигать политические взгляды и рекламировать эстетические концепции». К. Краус проблематизирует влияние медиафикций на жизнь людей, которые «живут, сверяя свои чувства, взгляды, реакции с заголовками и передовицами» [10].

С активизацией средств массовой информации, в частности, распространением кинематографа, сформировались философские подходы к критике СМК, которые сосредотачивались на условиях медиапроизводства. Для Германии также была и сейчас остается тенденция сближения медиакритики с теорией медиа. Также развивается практика саморегулирования журналистской деятельности. Впрочем, вопрос, насколько этот самоконтроль является возможным, до сих пор остается противоречивым. С появлением сети Интернет, критика средств массовой информации со стороны общественности активно развивается в блогах [7].

Исторически сложилось так, что немецкая медиакритика была связана с социальной критикой. В 60-е годы студенческое движение разворачивалось как движение против таблоида (анти-Springer кампания), ведь многие видели газету Шпрингера соучастницей покушения на студенческого лидера Руди Дучке в 1968 году. Разработчик теории сознания индустрии Ханс Магнус Энценсбергер называл телевизор» нулевым средством массовой информации «(»Nullmedium"). Гюнтер Валлрафф работал над изображением, чтобы продемонстрировать его манипулятивные практики фальсификации информации. Сегодня функции критики СМК в Германии также выполняют сатирические журналы.

В США критика СМК традиционно считается сильнее, чем в Европе. Влиятельными работами медиакритического направления являются работы Ноама Хомского и Нила Постмена. С 1960 года в средства массовой информации были инсталлированы омбудсмены, которые должны были транслировать критику СМИ от общества.

Благодаря онлайн-журналам Salon.com и Slate.com (1995 и 1996 гг. соответственно) США заняли место пионеров медиакритики в онлайн-режиме.

Медиакритика имеет много общего с другими отраслями журналистики, но имеет свою специфику, которая определяется особенностями ее предмета и познавательно-оценочных операций, которые к нему применяются. Специфичность медиакритики определяется прежде всего ее функциональностью. К основным функциям медиакритики относятся [8]:

Информационно-коммуникационная функция, которая обеспечивает донесение информации до аудитории. Функционально медиакритика призвана распознавать и отслеживать изменения, которые происходят в сфере СМК в целом, а также артикулировать свои наблюдения относительно конкретных медиапродуктов, особенности их производства, транслируя их широкой аудитории. В то же время медиакритика должна устанавливать диалог между медийными организациями и потребителями информации, налаживать обратную связь между аудиторией СМК и профессиональными

коммуникаторами. Работа с отзывами, письмами читателей, телезрителей, радиослушателей позволяет критику исследовать отношение аудитории к тому или иного медиапродукта и к их авторов. Нужно отметить, что именно через СМК, которые предлагают средства обратной связи, медиакритика имеет возможность выполнять свои задачи. Именно благодаря массовой коммуникации происходит распространение знаний и оценок, которые наработаны медиакритикой [2].

Познавательно-оценочная функция реализуется путем сочетания взаимосвязанных познавательных операций: мониторинга, анализа, интерпретации, оценки, прогноза. Медиакритика опирается на научный анализ деятельности СМК в аспектах создания и рецепции медиатекстов, которым предусмотрено применение обще-научных, а также специальных методов исследования – качественного и количественного мониторинга СМК, контент-анализа, семиотического анализ, концептуального анализа, дискурсивного анализа, аксиологического анализа и тому подобное. Стоит отметить, что перечисленные методы традиционно применяются в сфере исследований социальной коммуникации [6].

Таким образом, медиакритика предстает как направление оценочно-познавательной деятельности в русле масс-медийной практики, не имеющей собственного самостоятельного метода изучения объекта. Она пользуется методами таких научных дисциплин, как социология массовых коммуникаций (контент-анализ, мониторинг, опросы), медиапсихология, медиалингвистика (семиотический анализ), медиааксиология (концептуальный анализ).

Раскрывая содержание познавательной функции медиакритики, выделяют следующие ее подфункции: мониторинг СМК, анализ, оценка, прогноз. По мониторингу СМК, должны отметить, что он проводится с целью исследования реального состояния СМК, определения актуальных аспектов их функционирования.

Подфункция анализа. Медиакритика прибегает к анализу содержания материалов СМК, способов их подачи, ситуации в сфере информационного производства, отношений СМК с аудиторией. Медиакритики должны помогать читателям, зрителям, слушателям правильно воспринимать информацию, поступающую из СМК, ориентировать их в тех или иных вопросах функционирования масс-медиа. Как писал в свое время известный литературный критик М. Шелгунов, «сила критической мысли автора заключается не в том, что он разбирает сам, а в том, что он заставляет думать вас» [4].

Подфункция интерпретации. Данная подфункция в определенном смысле дополняет подфункцию анализа. А. Короченский отмечает, что основной целью интерпретации является рационализация восприятия медийного сообщения, которая обеспечивает адекватное восприятие его содержания. Медиакритик должен уметь анализировать и интерпретировать медийное сообщение, а также помогать аудитории понять сущность того или иного медийного сообщения, расшифровать множество заложенных в него смыслов.

Подфункция оценки. Следует отметить, что уже в самом понятии «критика» заложена оценочная составляющая. Критика предполагает осуществление оценки относительно того или иного медиатора, освещение дискуссионных аспектов определенной проблемы в медиаотрасли, которая требует общественной оценки. Конечно, сущность критики не ограничивается только оценкой. Оценка

взаимосвязана с другими когнитивными операциями, такими как анализ, интерпретация, мониторинг и т.д. [5].

Следует отметить, что оценочность характерна не только для материалов медиакритики. Так, Т. Кузнецова утверждает, что оценочность как аксиологическая категория имманентно присуща медиатексту, что можно объяснить прежде всего его денотативной (денотат – единица содержания текста) сущностью. То есть можем говорить, что предоставление оценки деятельности СМК, медиапродуктам, медийным сообщениям со стороны медиакритики имеет субъективно-объективный характер.

Подфункция прогноза. В результате анализа и интерпретации медийных феноменов и процессов медиакритики пытаются дать прогнозы относительно будущего состояния СМК, относительно позиций и перспектив того или иного средства массовой коммуникации, влияния СМК на аудиторию и тому подобное. Когда медиакритик рассматривает тот или иной медиапродукт, он должен не только определить его соответствие актуальным нормам, но и рассмотреть возможные пути развития СМК, указать, к чему должны стремиться те, кто создает медиаконтент.

Регулятивная функция проявляется в том, что медиакритика пытается упорядочивать, влиять на деятельность СМК. Если вести речь о влиянии академической и массовой медиакритики, то оно будет опосредованным. Материалы академической и массовой медиакритики могут способствовать формированию определенного отношения общества к СМК. Благодаря сложившемуся общественному мнению о СМК Академическая и массовая медиакритика имеют возможность влиять на профессиональные общества. Медиакритика участвует в обсуждении существующих нормативов по деятельности СМК, вносит определенные предложения по медийным практикам.

Профессиональная медиакритика должна регулировать деятельность СМК с позиций внутреннего регулятора, то есть через осуществление саморегулирования профессиональных сообществ. Совершенно очевидно, что профессиональная медиакритика не должна противоречить другим компонентам системы саморегулирования, таким как профессионально-этические кодексы, профессиональные организации и объединения и тому подобное.

Таким образом, реализация регулятивной функции должна обеспечивать влияние медиакритики профессионалов в сфере СМК и на массовую аудиторию. Однако, на данном этапе можем говорить лишь о рефлексивный влияние материалов медиакритических студий, ведь пока не существует отработанных механизмов саморегулирования журналистской практики, а также соответствующих институтов в этой профессиональной области [3].

Корректирующая функция медиакритики реализуется в условиях, если СМК не обеспечивают надлежащее информирование аудитории, инверсируют реалии, осуществляют манипулятивное влияние на аудиторию, негативно влияют на социум. Медиакритические материалы, подвергающие сомнению достоверность информации, размещенной в СМК, выполняют коррекционную функцию. В этой связи Отар Довженко указывает на такую функцию медиакритики корректировать сугубо бизнесовую логику медийной индустрии, которая в погоне за рейтингом готова выйти за любые этические и эстетические рамки.

В реализации корректирующей функции медиакритика устанавливает меру адекватности и соответствия реалий той картине мира, которую предлагают СМК. Она выявляет искажения и когнитивные лакуны, которые стихийно или, согласно определенным прагматическим задачам, образуют медиа, лишая свою аудиторию полного и целостного видения социальных явлений и процессов.

Медиакритика осуществляет ревизию медиадискурса на предмет социального реализма, ведь любой медиатекст является социально ориентированным по своей функциональной природе и коммуникативным направлением.

Корректирующая функция медиакритики коррелирует с конструктивистским подходом к деятельности СМК, который формировался в течение второй половины XX века на принципах социологии с ее видением социальных проблем как конструктов. В сфере масс-медиа конструктивизм наиболее полно проявляет себя в модели формирования медиа очереди дневной (agenda building), которая указывает на явление выборочной селекции журналистами тех явлений и событий, которые они считают достойными внимания своей аудитории. Шире конструктивизм охватывает вопросы онтологизации реальности в масс-медиа, условности разделения на иллюзорное и подлинное в медиадискурсе, легитимизации медиакартины мира как онтологии общества и т.д. Впрочем, этот вопрос достигает медиафилософии и выходит за пределы медиакритических студий.

Медиакритики акцентируют внимание аудитории на основных элементах медийного сообщения, осуществляют коррекцию смыслового восприятия медийного сообщения. Именно медиакритика призвана выявлять наличие манипулятивного воздействия СМК, объяснять действие манипуляции.

Просветительская функция медиакритики заключается в том, что медиакритика формирует представление аудитории о деятельности СМК. Медиакритика должна объяснить аудитории, какие средства манипулирования могут использоваться, развивать в аудитории навыки самостоятельного анализа информации, которая поступает из СМИ. Медиакритика должна научить аудиторию отграничивать патогенную информацию, уметь уменьшать ее негативное влияние. Данная функция медиакритики во многом реализуется с помощью медиаобразования. Соглашаемся здесь с мнением Р. Баканова, который отмечает, что в современных условиях медийный критик имеет право – и обязан быть не только "внимательным телезрителем", "толкователем" тенденций, характерных для современного информационного рынка, но и лидером мнений.

Литература

1. Гринфельд В.А. Корпоративная медиакритика в современных российских СМИ: дис. … на соиск. учен. степ. канд. филолог. Санкт-Петербург, 2016. 193 с.

2. Захарова М.В. Роль медиакритики в формировании экологии современного информационного пространства // Медиаобразование. 2016. № 1. С. 66 – 70.

3. Захарова M.V. Роль медиакритики в формировании экологии современного информационного пространства // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2015. № 5 (14). С. 19 – 22.

4. Захарова М.В. Роль медиакритики в формировании экологии современного информационного пространства // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы первой Международной научно-практической конференции, Краснодар, 09-10 октября 2014 года. Краснодар: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Кубанский государственный университет", 2015. С. 228 – 231.

5. Ильченко С.Н. Петербургская медиакритика: трансформация статуса // Очерки Петербургской школы журналистики: К 70-летию Сергея Григорьевича Корконосенко: Сборник издан в рамках исполнения проекта «Научно-педагогические школы журналистики в России». Санкт-Петербург: Изд-во Алетейя, 2020. С. 285 – 293.

6. Лысова Н.Б. Предмет медиакритики: от кинокритики к информационной войне и медиаобразованию // Журналістыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы: Матэрыялы 22-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 12-13 ноября 2020 года. Мінск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 564 – 566.

7. Мурюкина Е.В., Челышев К.А. Теория и практика синтеза медиакритики и медиаобразования в Финляндии и Франции // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 11. С. 90 – 94.

8. Романцова Т.Д. Медиакритика в субдискурсе региональной прессы: специфика авторства, стилевые особенности // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума, Санкт-Петербург, 09-12 ноября 2020 года / Институт "Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций" Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург: Медиапапир, 2020. С. 211 – 212.

9. Селиверстова Л.Н. Роль медиакритики в развитии медиаобразования в Швейцарии // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 1. С. 108 – 113.

10. Федоров А.В., Левицкая А.А. Синтез медиаграмотности и медиакритики в современном мире: результаты международного экспертного опроса // Медиаобразование. 2015. № 3. С. 9 – 31.

References

1. Grinfel'd V.A. Korporativnaja mediakritika v sovremennyh rossijskih SMI: dis. … na soisk. uchen. step. kand. filolog. Sankt-Peterburg, 2016. 193 s.

2. Zaharova M.V. Rol' mediakritiki v formirovanii jekologii sovremennogo informacionnogo prostranstva. Mediaobrazovanie. 2016. № 1. S. 66 – 70.

3. Zaharova M.V. Rol' mediakritiki v formirovanii jekologii sovremennogo informacionnogo prostranstva. Nauka 21 veka: voprosy, gipotezy, otvety. 2015. № 5 (14). S. 19 – 22.

4. Zaharova M.V. Rol' mediakritiki v formirovanii jekologii sovremennogo informacionnogo prostranstva. Nasledie Ju.I. Selezneva i aktual'nye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedenija, istorii: Materialy pervoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 09-10 oktjabrja 2014 goda. Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovanija "Kubanskij gosudarstvennyj universitet", 2015. S. 228 – 231.

5. Il'chenko S.N. Peterburgskaja mediakritika: transformacija statusa. Ocherki Peterburgskoj shkoly zhurnalistiki: K 70-letiju Sergeja Grigor'evicha Korkonosenko: Sbornik izdan v ramkah ispolnenija proekta «Nauchno-pedagogicheskie shkoly zhurnalistiki v Rossii». Sankt-Peterburg: Izd-vo Aletejja, 2020. S. 285 – 293.

6. Lysova N.B. Predmet mediakritiki: ot kinokritiki k informacionnoj vojne i mediaobrazovaniju. Zhurnalistyka – 2020: stan, prablemy i perspektyvy: Matjeryjaly 22-j Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, Minsk, 12-13 nojabrja 2020 goda. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 564 – 566.

7. Murjukina E.V., Chelyshev K.A. Teorija i praktika sinteza mediakritiki i mediaobrazovanija v Finljandii i Francii. Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2015. № 11. S. 90 – 94.

8. Romancova T.D. Mediakritika v subdiskurse regional'noj pressy: specifika avtorstva, stilevye osobennosti. Media v sovremennom mire. 59-e Peterburgskie chtenija: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Sankt-Peterburg, 09-12 nojabrja 2020 goda. Institut "Vysshaja shkola zhurnalistiki i massovyh kommunikacij" Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Sankt-Peterburg: Mediapapir, 2020. S. 211 – 212.

9. Seliverstova L.N. Rol' mediakritiki v razvitii mediaobrazovanija v Shvejcarii. Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2016. № 1. S. 108 – 113.

10. Fedorov A.V., Levickaja A.A. Sintez mediagramotnosti i mediakritiki v sovremennom mire: rezul'taty mezhdunarodnogo jekspertnogo oprosa. Mediaobrazovanie. 2015. № 3. S. 9 – 31.

Zhirova I.G., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Region State University

MODELS OF SOCIAL JOURNALISM IN THE MODERN MEDIA SPACE

Abstract: the refusal of the domestic mass media from the totalitarian foundations of functioning and giving priority to the liberal model and the social responsibility model of the WMC were accompanied by the processes of commercialization and politicization of the media. Since the beginning of the 90s, the processes of influencing public opinion with the help of media tools, the formation of media content in accordance with the needs of the advertiser, the comodification of the media audience and other trends have been observed and are being observed, indicating the need to be critical of certain types of functionality of the WMC, to approach media products in a balanced manner. Thus, the nature of the functioning of mass media at the present stage dictates the need for external regulatory and controlling factors that would adjust media practices both at the level of fundamentals and at the level of journalistic results. The need for self-regulation of the media sphere has led to the emergence of media criticism as a branch of humanitarian knowledge, a significant segment of the media system. Media criticism has become a significant limiter of the destructive effects of mass media on the human psyche, which, in an effort to obtain commercial or political pragmatic results, was perceived and is perceived by the media industry as an object of influence.

Keywords: model, journalism, media space, development, system

Митус И.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация: центром любого религиозного мировоззрения является поиск высших ценностей, истинного пути жизни человека. Важным элементом религиозного мировоззрения является представление о картине мира в сознании и языке человека. Язык является носителем и способом обогащения культурного наследия нации, ее социального опыта. Благодаря кумулятивной функции язык несет в себе историческую память народа, обеспечивает диалог поколений. Специфическим фрагментом языковой картины мира, ее определенным инвариантом является религиозная картина мира, которая остается мало исследованной на постсоветском пространстве и до сих пор, несмотря на снятие государственных запретов и преследование верующих. Поэтому все больший интерес современных лингвистов направлен на изучение религиозной картины мира в сознании и языке.

Ключевые слова: язык, многообразие, филология, религия, конфессия

Беря за основу определение картины мира В. А. Масловой, можно сказать, что религиозная картина мира (РКМ) является результатом переработки культовой информации о Боге, Вселенной, среде бытия и человеке в нем через призму дихотомии добро:: зло. Отражение и обработка набожным человеком информации определяет его восприятие действительности и отношение к окружающему миру, ведь, как отмечает Б.А. Серебренников, картина мира – это целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовности человека, а не отдельной его стороны, что вполне справедливо характеризует и РКМ.

Основными признаками РКМ являются: субъект, который создает картину мира; объект (мир, или его фрагмент), образ которого воспроизводится с помощью творческой активности субъекта; форма представления объекта (мира или его фрагмента), а также прежде всего божество, божьи силы, знания, постулаты, божественное пространство (небеса, рай / ад), время (земное бытие и вечность) [1].

В зависимости от характеристики субъекта можно выделить следующие РКМ: индивидуальная (РКМ отдельной личности: писателя, ученого, ребенка и др.) и коллективная (РКМ людей одного возраста, одной территориальной, национально-культурной, профессиональной или иной социальной принадлежности). Картину мира можно изучать целостно и частично (в этом случае рассматриваются отдельные образы мира, которые составляют целостную картину, такие как образ человека, природы и др.), в диахронии и синхронии. В соответствии с формой представления объекта выделяют такие картины мира, как: биологическая, религиозная, физическая, языковая, философская и др. Рассматривая картину мира во временной плоскости, выделяют средневековую, механистическую и современную].

Характеризуя РКМ, следует отметить, что сверхъестественное имеет определяющую роль во Вселенной и жизнедеятельности человека (верующего). Бог создает мир, управляет течением истории и жизнью человека. Ему подвластно все, что не способен сделать человек. "Земное" и сакральное является разделенным, поэтому прямой контакт человека с Богом не является возможным. Однако Бог видит и знает все, что и почему делает человек, хотя человек имеет возможность только обращаться к Богу, выражать в Нем свои мысли, просьбы, благодарность, которые будут услышаны или нет в зависимости от праведности / греховности верующего, внедрены в жизнь или нет в зависимости от пользы для его / ее душеспасение. РКМ выполняет мировоззренческую функцию, объясняет мир, базируясь не на научных знаниях, а на религиозной догматике, на признании иной действительности вне пределов чувственного восприятия. Эта картина мира основана на вере в сверхъестественное, например, Бога и дьявола, рай и ад. Истина веры считается выше, чем истина разума, поэтому РКМ не требует рационального обоснования своих положений [4].

РКМ имеет определенные особенности: во-первых, это наличие незыблемой веры, которая служит способом существования религиозного сознания, культа, который воссоздан в системе устоявшихся ритуалов, догматов, которые являются внешней формой проявления веры.

Религиозные картины мира различаются в зависимости от сущности и особенностей той или иной религии. В современном мире выделяют три мировые религии: буддизм, христианство, ислам, из которых доминирующей в Великобритании и США, как известно, является христианство. Поскольку все три вероисповедания в большей или меньшей степени представлены в изучаемом англоязычном обществе, рассмотрим концептуальные основы каждой из них.

Христианство возникло в I до н.э. в восточных провинциях Римской империи (Палестина, провинция Иудея). Оно было ниспослано Богом-Отцом христианам через Его учение, проповеданное Иисусом Христом, Сыном Бога Живого (греч. Ἰησοῦς Χριστός, буквально Иисус мессия) [3].

Основа христианства – десять заповедей (заповеди блаженства), сформулированные Иисусом Христом в Нагорной проповеди, произнесенной Галилейского моря в Тиверии, которые слышали среди других присутствующих и Святые Апостолы Иоанн, Марк, Лука и Матфей, и после распятия Господа, Пасхи и Его Святого Вознесения описали их в своих Евангелиях, которые и составляют Новый Завет. Следование Христу, исполнение заповедей Божиих, соблюдение добродетелей (терпения, смирения, кротости и проч.) вместе с ежедневным добросовестным выполнением своих обязанностей на работе и дома, самоотверженное служение для блага ближнего – это тот крест, который возложен на каждого христианина от момента принятия Святого крещения, и который каждый христианин должен нести в течение своей жизни ради райского блаженства в Боге после перехода в вечность. Так же как и в буддизме, для христианина нет хуже, чем сойти с креста, оставить себе жизнь.

Эти положения христианского вероисповедания одинаково важны для всех основных христианских конфессий, выделенных в период Реформации (католицизм, православие, протестантизм). Из них католицизм является наиболее распространенным в изучаемом социальном пространстве.

В догматике католицизм имеет свои особенности. Так, наряду с раем и адом (что характерно и для православных) католики признают чистилище. Душа в чистилище находится до тех пор, пока молитвами и пожертвованиями родные и друзья не платить выкуп грехов умершего, если он / она отошла к Господу без покаяния и Святого Причастия. В католицизме сильнее, чем в православии, развито почитание Богородицы. Считается, что Пресвятая Дева Мария вознеслась на небо не только душой, но и телом (в отличие от других святых). Как христианское течение католицизм является детально проработанной системой культа, в центре которой стоит месса (литургия). Если раньше она проводилась на латинском языке (что было начато со времен Римской Империи), то в наше время – на национальных языках. Разрешено также использовать элементы национальной музыки [2].

М. Лютер, В. Цвингли Же. Кальвин и Т. Мюнцер считали необходимым преодолеть официальные католические «фальсификации» учение об Иисусе Христе и восстановить «истинное христианство» и «церковь апостольских времен». В Частности, Н. Лютер в трудах «Лекции о Послании к Римлянам» (1515-1516 гг.), «О вавилонском пленении церкви» (1520 г.), «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520 г.), «95 тезисов об индульгенциях» (1517 г.) и др. настаивал на следующем: 1) человек самостоятельно, через аскезу, не может преодолеть искушения, поэтому единственная надежда на Бога; 2) человек потерял свободу воления через грехопадение Адама, поэтому все ее действия являются абсолютно необходимыми, является делом Божьим; 3) оправдывает только вера в Бога, теряется оправдание – из-за неверия, что является тягчайшим грехом; 4) существуют рай и ад, чистилища нет; 5) почитание святых часто мешает чествованию Иисуса Христа; 6) посты и пожертвования в пользу церкви вредны, ведь подрывают ее авторитет; 7) брак является светским, не церковным делом, поэтому допускает прелюбодеяние и развод. Последним положением М. Лютер отрицает библейскую трактовку сущности брака, согласно которой брак должен быть венчанным Богом на всю жизнь и незыблемым [7].

По мнению У. Цвингли, постулаты христианства безусловны, поэтому Библия является самым авторитетным первоисточником в решении религиозных вопросов. В своих работах «Толкование и обоснования тезисов и положений» (1523), «Комментарий к истинной и ложной религии (1525 г.), «Бернские проповеди (1528 г.), «Отчет о вере» (1530г.), «Объяснение христианской веры» (1531 г.) и др. В. Цвингли настаивает, что единственным посредником между Богом и человеком является Иисус Христос, а не Папа Римский и католическое духовенство. Вера в Бога – это единственный путь спасения, который предоставляет церковь – сообщество всех верующих. Таинства являются знаками принадлежности к церкви, а причастие – это единение со Христом. Зло является делом Божьим, поэтому человеку нет нужды в покаянии (это положение противоречит заповедям Блаженства). Наряду с прогрессивным акцентом на необходимости демократизации церкви В. Цвингли выступает против авторитета священников, отрицает посты, обет безбрачия для священников, которые являются догматическими согласно Библии пост и молитва – два крыла, которые поднимают человека из греха [5].

Распространению протестантизма способствовала деятельность Ж. Кальвина, который в трудах «Ответ кардиналу Садолето» (1539 г.), «О поклонении реликвиям» (1543 г.), «О необходимости Реформации» (1544 г.) проповедовал такие принципы христианства: 1) верховная власть во всем принадлежит Богу, и

только Он может изменить судьбу человека; 2) Библия является единственным источником веры; 3) человека оправдывает только вера; 4) превращение хлеба и вина в тело и кровь Христовы во время причастия не происходит; 5) Иисус Христос не пребывает в святых дарах. Два последних положения. Кальвина противоречат христианским догмам.

Т. Мюнцер довел до логического абсолюта христианский принцип о равенстве всех верующих перед Богом: Бог олицетворяет целостность социального мира, в этом единстве природе места нет. Самое важное положение социального пантеизма Т. Мюнцера заключается в том, что нормальным состоянием человечества он считал состояние общества, а индивидуальное существование – это отклонение от нормы. Этот социальный пантеизм провозглашал приоритет коллективного над индивидуальным. Пантеистический Бог устранял социальную иерархию.

В 1246 г. от католической конфессии отпочковалась англиканская церковь как результат внедрения идей реформации в Великобритании. Англиканское учение построено на Писании, сочинениях и традициях Апостольской церкви, ранних трудах святых Отцов Церкви. Евангелизм, либеральные христиане, англокатолицизм и англоправославие – это современные направления англиканства, распространенного в Великобритании.

В православном христианстве незыблемой является вера в одного единого Бога, который предстает в трех равноправных ипостасях Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа3 Святого (догмат Святой Троицы, или тринитарный догмат). Бог Отец не рождается и не происходит от другого лица, потому что является вечным, как и Дух Святой. Второй ипостасью Бога является Бог Сын, который так же вечен, поскольку существует вне времени. Бог отец отправил Бога Сына - Иисуса Христа на землю для искупления грехов рода человеческого. Третья ипостась – Бог Дух Святой, который происходит от Бога Отца. Дух Святой равен другим ипостасям Божиим. Он может сходить на человека во время ревностной молитвы и совершения таинств.

Православные христиане верят в созидание Богом из ничего мира и человека, в частности. Православные признают грехопадение первых людей Адама и Евы, верят в бессмертие души, Второе пришествие Иисуса Христа, Страшный суд, рай и ад. Церковь православные считают посредником между Богом и человеком, убеждены в возможности спасения только в лоне церкви. Православные признают все семь христианских таинств: крещение, причастия (евхаристия), покаяние (исповедь), миропомазание, священство, елеосвящение (соборование). Богослужебная практика и выполнение обрядов предусматривают выполнение таких ритуалов как произнесение молитвы, крестное знамение, коленопреклонение, выслушивание поучений, участие в богослужении, соблюдение постов. Культовая практика опирается на поклонение иконам, церковным реликвиям, святым мощам.

В отличие от православия и католицизма, протестантизм представляет собой самую многочисленную «совокупность независимых церквей, церковных союзов и деноминаций» [9].

Священная книга христианства – Библия. В Великобритании 10-16% населения принадлежат к Римской католической церкви, 26 миллионов британцев принадлежат к Англиканской церкви (которая имеет статус государственной религии Великой Британии). В США по данным «Всемирной книги фактов ЦРУ» 46,5%

населения являются протестантами, 20,8% – католики, около 10% составляют мормоны, другие христианские конфессии, иудеи, буддисты, Свидетели Иеговы, мусульмане, иудеи и др. 22,8% – атеисты.

Ссогласно буддизму, который возник в VI в. до н.э. В Древней Индии, жизнь – это страдание. Рождение, болезни, разлуки, смерть, расставание с чем – то / кем-то дорогим, сочетание с немилым сердцу, стремление владеть вещами и их урон – все это в цепи жизни есть страдания, которые меняются лишь в зависимости от конкретной ситуации, ниспосланной Богом. Причина страданий – принадлежность к самой жизни, которая является лишь изменением формы и источника страданий. Желание жить, влечение к наслаждениям, страсти ведут человека от одного воплощения к другому в колесе бытия – сансаре [6].

Существует возможность преодолеть страдания, и уже сама мысль об этом является самораскрытием благородной истины. Главным фактором должного изменения мировоззрения становится отказ от иллюзий человеческого «я», когда окружающий мир воспринимается как пространство освоения человеческим сознанием, а земная жизнь кажется единственной возможностью существования. Существует путь, ведущий к преодолению страданий. Основная идея буддизма заключается в достижении нирваны, в прохождении «благородного восьмистепеневого пути»: 1) правильное видение – постижение истин буддизма; 2) правильное мышление или правильное намерение; правильное намерение в буддизме запрещает лишать жизни любого, воровать, прелюбодействовать; 3) правильная речь или воздержание от лжи, злословия, клеветы, грубости, оскорбительных и недоброжелательных слов, наконец, пустословие [8]; 4) правильное действие, то есть действие в соответствии с принципами добра и справедливости; 5) правильная жизнь (скромную жизнь за счет своего труда); 6) правильное усилие или борьба с соблазнами жизни; 7) правильное внимание, что предполагает понимание текучести материального существования; 8) правильная концентрация – волевое усилие, ориентированное на просветление своего сознания для достижения нирваны. Если внимательно сравнить эти постулаты, можно с легкостью увидеть немало общего с Заповедями Божьими в христианстве, поэтому обе религии содержат настоящие общечеловеческие ценности жизни. Прохождение этим путем предопределяет истинное прекращение страдания и пребывание в нирване (для буддистов) / райскую потустороннюю жизнь (для христиан).

Священные книги буддизма – Виная-питака, Сутра-питака, Абхидрахма-питака, которые составляют Трипитаку.

Ислам – самая молодая мировая религия, которая, по убеждению исламистов, есть возможностью людей жить свободно и счастливо на Земле и в Судный день попасть в рай. Исламские законы и учения включают в себя такие принципы, которые направлены на содействие справедливому миру. Среди них можно назвать такие: уважение к человеческой жизни, равенство всех людей, единство и неприкосновенность религии Аллаха, поощрения сотрудничества между мусульманами и людьми Писания (иудеями и христианами), искренность и чистота в советах, указывает на добро и запрещает зло, призывает братство и эгалитарной ценности, потребность в знаниях, защита окружающей среды, социальное обеспечение (поддержка детей-сирот, тех, кто нуждается, и обездоленных), принципы пожертвования (частные, государственные и общие).

Основу исламской картины мира составляют пять столпов мусульманской веры: 1) символ веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его»; 2) ежедневные пятикратные молитвы; 3) соблюдение поста; 4) необходимость платить налог в пользу бедных; 5) совершать хадж (паломничество) к святым местам ислама – Мекку и Медину хотя бы раз в жизни [10].

Основное учение ислама представлено в Коране, его священной книге.

На протяжении всей истории становления христианской цивилизации в Великобритании школа и церковь были тесно связаны. Длительное время воспитание происходило исключительно в духе религиозных ценностей и представлений, что отвечало политическим и социальным потребностям, объединяло общество и поддерживало его единство.

В наше время в США и Великобритании, как и в большинстве западных обществ, многие люди, которые регулярно посещают церковь, не являются глубоко верующими. Посещение церкви нередко обусловлено традицией. И в США, и в странах Европы содержание церковных служб и религиозного культа стало изрядно размытым. Главные этапы становления религиозного образования среди молодежи Британии определяются степенью обособленности школы от церкви и влиянием церкви на воспитание духовных качеств личности.

Начиная с принятия Акта от 1944 г., который отметил усиление роли христианства в обществе и вернул религиозное образование в школе, в Великобритании происходит переосмысление значения религии в формировании личности. Благодаря трудам английских ученых (Р. Голдман, Э. Кокс, Н. Смарт, Ф. Хиллард и др.) была создана база для выделения религиозной педагогики в самостоятельную научную отрасль. Религиозное образование стало почти независимым от церковной власти, а учет интересов поликонфессионального британского общества привел к внедрению глубокого изучения других мировых религий. Вместе с тем, чтя собственные традиции и роль христианства в развитии и становлении государственной системы образования, Акт от 1988 г. отметил, что христианство является главной религиозной традицией страны.

В современном католичестве, в отличие от других конфессий, священнический сан могут иметь и женщины. Эту тенденцию можно наблюдать и в США, и в большой Британии.

Современная молодежь разделяет традиционные социальные ценности (семья, здоровье, друзья, уважение, работа, материальная обеспеченность), и религия также принадлежит к ним. При этом возрастает роль гедонистических ценностей (получение удовольствия) и происходит отчуждение от политики. Молодежь обладает широкой осведомленностью относительно религиозных аспектов повседневной жизни человека, в частности, греха и, в то же время, плохо осведомлена о религиозной догматике. Это обуславливается тем, что информацию молодежь преимущественно получает от родителей, представителей церкви и из средств массовой информации. Важными элементами культовой практики молодежи есть молитва, помощь нуждающимся, посещение богослужений, пост, чтение религиозной литературы, проповеди. Однако меньше внимания уделено участию в таинствах и обрядах, общению с другими членами религиозной общины, что свидетельствует о низкой солидарность религиозных общин и уменьшение социальной роли церкви.

Следовательно, и в США, и в Великобритании мультиконфессиональность является современным признаком религиозного статуса стран при доминировании католического христианства. Очевидно, это является следствием процессов интеграции и глобализации в мире. РКМ в сознании и языке каждого ее носителя представляет все религиозные конфессии, распространенные как можно меньше в этих странах, однако выдающейся для РКМ определенного лица является его личностный выбор и социально-религиозный статус.

Литература

1. Alpatov V.V. Medieval English nicknames and surnames with christian associations // Voprosy Onomastiki, 2020. № 17 (3). P. 23 – 50. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.033

2. Borys D., Garmash O. English religious slang in search of linguistic identity // European Journal of Science and Theology. 2019. № 15 (5). P. 49 – 66.

3. Dastgahian B.S., Ghonsooly B. Managing directed motivational currents of religious texts on english language achievement. A mixed-methods study // Asian EFL Journal. 2016. № 1. P. 173 – 194.

4. Jassem Z.A. The Arabic origins of common religious terms in English: A lexical root theory approach // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2012. № 1 (6). P. 59 – 71. https://doi.org/10.7575/ijalel.v.1n.6p.59

5. Klapicová E.H. The origin of the Spanish religious vocabulary I [Pôvod Španielskej náboženskej terminoló;gie I] // XLinguae. 2012. № 5 (2). P. 16 – 27.

6. Kravchenko N., Karpenko E., Matiienko-Silnytska A., Vasylieva O. Category of sacredness in the discourse of the english sermon (theolinguistic approach) // Wisdom. 2021. № 18 (2). P. 18 – 26. https://doi.org/10.24234/WISDOM.V18I2.480

7. Ruddick A. National sentiment and religious vocabulary in fourteenth-century England. Journal of Ecclesiastical History. 2009. № 60 (1). P. 1 – 17. https://doi.org/10.1017/S002204690800599X

8. Simbuka S., Hamied F.A., Sundayana W., Kwary D.A. A corpus-based study on the technical vocabulary of islamic religious studies // Teflin Journal. 2019. № 30 (1). P. 47 – 71. https://doi.org/10.15639/teflinjournal.v30i1/47-71

9. Smith J.J. Godly vocabulary in Early Modern English religious debate // Studies in Corpus Linguistics. 2020. № 97. P. 95 – 112. https://doi.org/10.1075/scl.97.07smi

10. Timofeeva O. Survival and loss of Old English religious vocabulary between 1150 and 1350 // English Language and Linguistics. 2018. № 22 (2). P. 225 – 247. https://doi.org/10.1017/S1360674318000114

References

1. Alpatov V.V. Medieval English nicknames and surnames with christian associations. Voprosy Onomastiki, 2020. № 17 (3). P. 23 – 50. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.033

2. Borys D., Garmash O. English religious slang in search of linguistic identity. European Journal of Science and Theology. 2019. № 15 (5). P. 49 – 66.

3. Dastgahian B.S., Ghonsooly B. Managing directed motivational currents of religious texts on english language achievement. A mixed-methods study. Asian EFL Journal. 2016. № 1. P. 173 – 194.

4. Jassem Z.A. The Arabic origins of common religious terms in English: A lexical root theory approach. International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2012. № 1 (6). P. 59 – 71. https://doi.org/10.7575/ijalel.v.1n.6p.59

5. Klapicová E.H. The origin of the Spanish religious vocabulary I [Pôvod Španielskej náboženskej terminoló;gie I]. XLinguae. 2012. № 5 (2). P. 16 – 27.

6. Kravchenko N., Karpenko E., Matiienko-Silnytska A., Vasylieva O. Category of sacredness in the discourse of the english sermon (theolinguistic approach). Wisdom. 2021. № 18 (2). P. 18 – 26. https://doi.org/10.24234/WISDOM.V18I2.480

7. Ruddick A. National sentiment and religious vocabulary in fourteenth-century England. Journal of Ecclesiastical History. 2009. № 60 (1). P. 1 – 17. https://doi.org/10.1017/S002204690800599X

8. Simbuka S., Hamied F.A., Sundayana W., Kwary D.A. A corpus-based study on the technical vocabulary of islamic religious studies. Teflin Journal. 2019. № 30 (1). P. 47 – 71. https://doi.org/10.15639/teflinjournal.v30i1/47-71

9. Smith J.J. Godly vocabulary in Early Modern English religious debate. Studies in Corpus Linguistics. 2020. № 97. P. 95 – 112. https://doi.org/10.1075/scl.97.07smi

10. Timofeeva O. Survival and loss of Old English religious vocabulary between 1150 and 1350. English Language and Linguistics. 2018. № 22 (2). P. 225 – 247. https://doi.org/10.1017/S1360674318000114

Mitus I.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Adygea State University

CONFESSIONAL EXPRESSION OF LINGUISTIC DIVERSITY IN RELIGIOUS TEXTS

Abstract: the center of any religious worldview is the search for higher values, the true path of human life. An important element of the religious worldview is the idea of the picture of the world in the mind and language of a person. Language is a carrier and a way of enriching the cultural heritage of the nation, its social experience. Thanks to the cumulative function, the language carries the historical memory of the people, provides a dialogue of generations. A specific fragment of the linguistic picture of the world, its definite invariant is the religious picture of the world, which remains little studied in the post-Soviet space and still, despite the lifting of state prohibitions and the persecution of believers. Therefore, the increasing interest of modern linguists is directed to the study of the religious picture of the world in consciousness and language.

Keywords: language, diversity, philology, religion, denomination

Целковников Б.М., доктор педагогических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

ИСТОРИЗМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ЦЕРКОВНЫХ» ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАДИГМ

Аннотация: функционально-семантическое и лексико-грамматическое изучение лексики предполагает не только изучение отдельных лексем и их свойств, но и их взаимодействие с другими языковыми единицами в составе синонимических, антонимических и других языковых парадигм. Крупнейшим парадигматичным объединением языковых единиц, как известно, является семантическое поле – совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания (иногда и общностью формальных показателей) и отражающих понятийную, предметное или функциональное сходство обозначаемым явлениям. Это слова, связанные с одним и тем же фрагментом действительности. Исследуя место лексико-семантических парадигм в лексико-семантической системе авторы обнаружили, что словарный состав языка включает, кроме макроуровня, также уровень семантических связей слов внутри лексикосемантичной группы и семантического поля (микроуровень) и семантических связей между последними в пределах всего словаря в целом (мегауровень).

Ключевые слова: семантика, религия, английский язык, структура, подсистема

Функционально-семантические и лексико-грамматические особенности РЛАМ, среди которых есть слова разной части языковой принадлежности и единицы разных языковых уровней, лучше всего можно исследовать путем привлечения функциональных лингвистических подходов и базовой моделью систематизации материала исследования, соответственно, является ФСН [10]. В основе обозначенных аспектов изучения РЛАМ положены идеи и концепции функциональной лингвистики, в частности, традиционной функциональной семантики, разработанные P. Harder и др. [1].

В диссертации ФСН определяем как структурированную совокупность лексикограмматических единиц, интегрированных по семантическим, структурным, грамматическим и функциональным признакам [9].

Со структурно-семантической и лексико-грамматической точек зрения признаками исследуемого ФСП являются также следующие: 1) наличие лексико-семантического, лексико-рамматического, функционально-семантического, стилистического и структурного слоев, которые представлены не только в ядерной зоне, а и на близкой и далекой периферии поля; 2) определенная маргинальность границ ФСП, его микрополей и ТГ; 3) семантическая аналогия; 4) полисемический параллелизм; 5) распространенные синонимия антонимичных парадигм и антонимия синонимических парадигм как системообразующие признаки ТГ ФСН «religion»; 6) непоследовательная опозитивность экспликантов репрезентаций концепта RELIGION; 7) структурно-семантическая целостность, относительная «закрытость» ФСН «religion» как «завершенного фрагмента картины мира в эгоцентрической..., антропо- и системоцентрической интерпретации» [8]. Догматичность религиозных понятий и постулатов обеспечивает относительную

стабильность, определенную «закрытость» исследуемой лексической подсистемы. Вместе с тем, функционирование в повседневной речи, частотная актуализация РЛАМ в нем, межъязыковые контакты, интерференция, дальнейшее развитие научной (в т.ч. и теологической) мысли, а также неостановимое развитие английского языка как международного, государственного, одной из наиболее распространенных мировых языков – это факторы, которые способствуют дальнейшему развитию ФСН «religion», что прежде всего наблюдаем в семантических процессах, которые происходят в семантической структуре РЛАМ, а также являются очевидными в процессах усвоения заимствований в исследуемом материале [5].

Важными свойствами подсистемы РЛАМ являются: антропоцентричность, системоцентричность, определенная эгоцентричность, коммуникативная и прагматическая направленность, обусловленность коммуникативной ситуацией, зависимость от межкультурной коммуникации, менталитета и социальной принадлежности коммуникантов (возрастной, профессиональной, национально-культурной, шире – этнической лексики [2].

Наряду с автохтонными РЛАМ значительное количество исследуемых языковых единиц являются иноязычными заимствованиями или лексемами, образованными с помощью иноязычных морфем. Лексические инновации происходят путем сочетания нового значения с уже существующей лексемой, путем создания новой лексической единицы собственного происхождения и, наконец, – через иноязычные заимствования. Анализ вхождения заимствований в английский язык представлены в исследованиях Н. Г. Богаченко (обработаны восточноазиатские заимствования), М. И. Михеевой (изучены французские заимствования в английском языке), И.В. Арнольд, Н. Сержантон и А. Погатчер (составили периодизации проникновение латинских заимствований в лексический состав английского языка) и др. Основными способами словообразования английского языка, включая РЛАМ, как справедливо отмечают А. Чекрыжова, А.М. Лашкевич, В.И. Заботкина, H. Marchand, B. Bryson и др. являются афиксация, словосложение, конверсия, деакцентуализация (смена ударения), чередование звуков в морфемах, сокращение, усечение основ, аббревиация и акронимизация [4].

Вслед за Ж. Баганою и Е.В. Бондаренко, определяем два подхода к пониманию лексического заимствования: 1) традиционный подход, по которым заимствования понимают как проникновение языковых элементов из одного языка в другой; 2) альтернативный подход, по которым заимствованные слова считают образцом для создания автохтонными средствами языка новых элементов способом творческой имитации, копирования или структурного моделирования на основе иноязычных образцов. При этом способами заимствования, как отмечают Л.А. Закреницкая, Ю.А. Зверев и др., называют траекторию движения заимствованного термина до времени его фиксации в языке-реципиенте [7]. На пути до полного усвоения лексического слово проходит такие этапы: 1) этап инновации, первоначального употребления слова в контексте языка-реципиента; 2) этап виртуализмп, распространение слова среди небольшой группы носителей языка; 3) этап неологизма, употребление слова большинством носителей языка-реципиента. Не смотря на то, что английский язык во всех ее тематических проявлениях является основным языком-донором для других современных развитых и редких языков, в его лексике большой процент составляют слова, заимствованные из скандинавских языков, немецкой, голландской, арабской, иудейской и других

языков. Слова, заимствованные из латинского и романских языков, составляют более 60%. Около 500 слов вошло в современный английский язык из языков американских индейцев.

Вводя заимствованные слова, двуязычные лица стремятся точно следовать словотворческим модели из языка-источника. Позднее заимствование перенимает остальное общество. Отсюда каждое заимствование имеет сначала форму, схожую с цитированием, а позже адаптируется на четырех уровнях языка: графическом, фонологическом, морфологическом и семантическом, что дает возможность видеть, как заимствования подчиняется структуре языка, которая заимствует слова. Таким образом, в большинстве случаев имеем графическую, фонетическую, морфологическую и / или семантическую замены, а не перенос иностранного слова [3].

Вслед за И.В. Арнольд классифицируем заимствованные слова английского языка по источнику заимствования и по степени ассимиляции. По источнику и эпохе заимствования в словарном составе английского языка различают: 1) кельтские заимствования; 2) латинские заимствования первых веков нашей эры, попавшие еще до прихода англов и саксов на Британские острова (так называется первый слой латинских заимствований, среди которых имеются доминанты ТГ РЛАМ); 3) латинские заимствования VI-VII веков, т.е. эпохи введения христианства в Англии (так называется второй слой латинских заимствований, из которых немало РЛАМ); 4) скандинавские заимствования эпохи скандинавских набегов (VIII-IX вв.) и особенно завоевания (X вв.); 5) старые французские заимствования (VII-XV вв.) эпохи норманнского завоевания; 6) латинские заимствования XV-XVI вв., т.е. связанные с эпохой Возрождения (так называется третий слой латинских заимствований, который также принес неологизмы в РЛАМ); 7) новые французские заимствования после XVI ст.; 8) заимствования из греческого, итальянского, голландского, испанского, немецкого и других языков, имеющиеся и среди РЛАМ; 9) заимствования из русского языка послеоктябрьского периода, из которых единичные представляют РЛАМ [6].

Совершенно очевидно, что из-за распространения христианства из Римской Империи в страны Западной Европы, именно заимствований из латинского языка немало среди РЛАМ. Темпы распространения были разными в разных местностях: тогда как города становились центрами распространения латинского языка, в сельскую местность этот язык проникал медленнее.

Вслед за Н. Сержантон и А. Погатчер, А. Тимофеева распределяет латинские заимствования в древнеанглийском языке на три периода: 1) «continental loanwords» (вошли в период с 400-450 гг. н. е.) – лексемы, связанные с началом англосаксонского поселения в Британии. В этот период римские историки удостоверяют связи латиноамериканцев с германцами, что повлекло заимствование германских слов в латынь и наоборот. Словесный обмен, происходивший между людьми, привел к использованию не классической латыни, а Народной, которая служила прототипом группе романских языков. Галло-романская речь была основной для заимствования основной массы слов, большая часть которых была связана с военной терминологией; 2) «early insular loanwords» (заимствованные из разговорной британско-латыни и кельтских языков в период с 450-600 гг. до н.э., времена христианизации англосаксов) – это преимущественно существительные, реже появлялись прилагательные и глаголы, большинство из них были производными от существительных (например: pīnian «to punish, torment», образовано от

существительного pīn, от лат. «pēna, poena» – 3) «later loanwords»; 3) «later loanwords» (заимствованные из рукописного латинского языка после 600-650 гг. н.э.) – слова, в которых латинские суффиксы были заменены английскими. В этих словах суффиксы староанглийской языка употребляются в неограниченном количестве для образования производных существительных, прилагательных и наречий от латинских существительных (например: pāpdōm «papacy», от Lat. papa and O.E. – dōm). Составленные гибриды не являются редкими (напр., sealmsċop «psalmist» от Latin psalma and O.E. sċop «poet»). В течение первого периода около 170 лексических единиц заимствовано через торговлю и военные контакты с носителями латинского языка. Это термины, относящиеся к ТГ «растения», «животные» и «птицы» (pepper Lat. piper, from Greek peperi; rædic radish Lat. rādic-em «root, radish»; culfer dove Vulg. Lat; columbra, Lat. columbula); товары домашнего обихода (ċēse cheese Lat. Cāseus; win wine Lat. Vīnum; candel candle Lat. candēla,); строительные материалы (tigle tile, brick Lat. Tēgula; weall wall, rampart Lat. vallum); одежда (belt belt Lat. balteus, (возможно, этрусского происхождения); ōrel veil, mantle Lat. (mil mile Lat. mīlle (passuum) «тысяча шагов» (примерно 1 618 ярдов); pund pound (единица измерения денег и веса) Lat. pondō – единица измерения; mangere merchant, trader – monger, mangian «to trade»; религия (predician preach – проповедовать, maesse mass – месса, abbatem abbot – аббат, vinum wine – вино). Суффиксы-ere, – ian являются английскими. Lat. mangō – торговец рабов и других товаров) и др.

В течение второго периода около 110 лексических единиц заимствовано из англо-латинского и местных кельтских языков, бретонской. Примеры включают сферы употребления «растения» и «агрокультура» (leahtric lettuce Lat. Lactūca; lufestice lovage Vulg. Lat.; luvestica, Lat. ligusticum); религия и образование (mynster monastery, minster Lat. monasterium, from Greek «monasterion»; græf stylus Lat. Graphium; munuc monk Lat. monachus, from Greek «monakhos», nunne nun late Latin nonna, Greek nanna, reliquias relic, Latin reliquiæ, Old French relique, relike) та ін.

Во время третьего периода около 150 лексем было заимствовано из письменного классического латинского языка благодаря духовенству. К ним относятся следующие: военные и юридические термины (consul consul Lat. Consul; cōorte cohort Lat. cōhorta); лексемы ТГ «музыка» и ТГ «поэзия» (citere cither Lat. cithara, from Greek «kithara»; fiþele fiddle Vulg. Lat. Vītula; fers verse Lat. versus); ТГ «растения» (bēte beetroot Lat. Bēta; lilie lily Lat. līlium, from Greek «leirion»); ТГ «живые существа» (delfin dolphin Lat. delphīnus, from Greek «delphînos», pard leopard Lat. pardus, from Greek "pardos" (возможно с персидского); ТГ «религия» и ТГ «образование» (alter, altāre altar Lat. altar, altāre; cleric, -oc clergyman Lat. clēricus, from Greek «klērikos»; dēmōn demon Lat. daemōn, from Greek «daimōn»; paradis paradise Lat. paradīsus, from Greek «paradeisos») и др. [314, p. 167].

В VI в. н.э. (в частности, в 597 г. н.э.) произошла христианизация Британии, и религиозные заимствования составили основной христианский вокабуляр, необходимый для полноценной работы церковных структур и услуг. То была не та народная латынь, с которой английский язык унаследовал большое количество слов, а латынь, которая в значительной мере была насыщена греческими терминами, выражавшими понятие религиозно-культурного характера. Например, до нашего времени дошли лексемы abbot (ст-анг. abbod, позд.лат. abbas < грец, abbas «батько», «аббат»), alms (дав-анг. aelmesse, лат.

eleemosyna < греч. elee mosyne «сочувствие»), altar (ст-анг. altar, лат. altaria «алтарь»), ark (ст-анг. еагс, лат. area «ящик», «ковчег»), apostle (дав-анг. apostol, лат. apostolus «апостол» < грец. apostolos «посланий»), bishop (дав-анг. biscop, лат. episcopus «епископ» < греч. episcopos «надзиратель»), martyr (ст-анг. martyr, лат. martyr «мученик» < греч. martur «свидетель»), monk (ст-анг. munuc, лат. monachus, грец. monachos «монах»), master (даванг. masister, лат. magister «вчитель»), pall (дав-анг. paell, pell, лат. pallium «плащ», «покрив»), palm (дав-анг. palm, лат. palma «пальма»), pope (дав-анг. papa, позд.-лат. papa, греч. papas «поп», «папа римский»), priest (ст-анг. preost, лат. presbyter, грец. presbyteros «старійшина»), shrine (дав-анг. serin, лат. scrinium «гробница»), temple (ст-анг. tempel, лат. templum «храм»).

Некоторые слова, которые были заимствованы в английский язык из латинского, предварительно были заимствованы из греческого: apostata (apostate), Lat. apostata, from Greek apostates; diacon (deacon), Lat. diāconus, from Greek diakon; letania (litany) Lat., from Greek litanīa.

Древнеисландский язык считается вторым источником пополнения лексического вокабуляра. Скандинавские слова стали проникать в разговорную речь англичан в XIX в., однако в письменных памятниках встречаются с X века. Этому способствовало неопосредствованное сосуществование англичан с датчанами на территории Англии в период датского владения. Генетические отношения скандинавских и английского языков, общность корней и слов значительно облегчали заимствование лексики. В эту группу входят слова, указывающие на предметы и явления быта. Примерами являются такие: англ. anger «гнев», fellow «парень», skill «мастерство», sky «небо», wing «крыло», gate «ворота», scathe «ущерб», swain «сельский парень», skull «череп», husband "муж" и др. среди скандинавских заимствований более позднего периода есть такие: англ.tungsten «вольфрам», geyser «гейзер», ski «лыжа» и др.

Вторая половина XVII в. и первое десятилетие XVIII в. Это период наполнения лексических пластов английского языка французской лексикой. Историческим событием, которое имело большое влияние на английский язык, было Нормандское завоевание 1066 г. Вторжение нормандцев поставило французский язык в Британии на уровень государственной, однако позже эта речь превратилась в «англо-нормандский диалект». На протяжении двух веков им пользовался английский королевский двор в государственных учреждениях, судах, монастырях. Этот диалект использовался для преподавания во многих школах, что также создавало условия для придания ему статуса общепринятого. Однако большинство населения продолжало говорить на староанглийском. Характерными признаками заимствования этого периода является сохранение французской орфографии, произношения и ударения. Окончание -ice, -in(e) произносится как128 [i:s], [i:n]. Суффикс -et – [ei] приближен к французскому [e:] (celebret – сертификат, который удостоверяет, что его податель может быть допущен к служению литургии). Окончание-que - [k], звук-s в конце слова не читался. Суффикс-age произносится как [a:ʒ]. Буквосочетание-ch произносится как [ʃ].

Лексический состав английского языка наполнялся также единицами из других языков (итальянского, испанского, голландского, русского, японского, китайского, немецкого, арабского). Самая распространенная форма появления опосредованных заимствованных слов в английском языке является такой: язык-источник – латинский, язык-посредник – французский. Начиная с XII в. исследователи не

имеют достаточных оснований установить, является ли определенное латинское слово в английском языке прямым заимствованием или опосредованным через французский язык. Например, англ. prince заимствовано из старофранцузского языка, является развитием латинского слова princeps «главный», которое, в свою очередь, составленное в латинском языке на основе слов primus «первый» и capio «братья», содержало коннотацию «важное лицо».

В XIV в. также заимствовано англ. captain «командир» < фр. capitaine – » начальник « от лат. caput – «голова». Средний безударный гласный выпал, и написание соответственно изменилось в современном языке на captain. Примером заимствований в английский язык из латинского через французское посредничество есть и слова, связанные со школьным обучением, наукой и учением, например: англ. science «наука» < фр. science < лат. scientia; англ. engine < фр. engin < лат. ingenium «хитроумное приспособление / находчивость»; англ. library «библиотека» < фр. librairie < лат. librarium «книжный шкаф», производное от лат. liber «книга, сверток»; англ. pen «перо» < ст. фр. penne < лат. penna «перо (птичье)» / «перо для письма»; англ. pupil «ученик», заимствовано в XIV ст. с фр. pupille < лат. pupillus «сирота, ребенок, находящийся под опекой»; англ. lesson урок < фр. lessoun < лат. lectio «чтение».

Французский язык стал языком-посредником для наполнения английской лексики также с греческого (англ. chronicle, episode, physic, police, ode, rhythm), арабской (англ. jasper, calibre, magazine, alcove, amber, cotton, giraffe, mask, syrup, admiral, zenith), итальянской (англ. brave, cartridge, colonel, caprice, charlatan, porcelain, risk) и многих других языков.

В течение исторического развития словарный запас английского языка наполнялся значительным количеством иноязычных заимствований. При этом нередко происходили изменения в семантической структуре заимствованной лексики, в т. ч. и РЛАМ.

Первым источником многочисленных заимствований английской лексики является латинский язык. Латинские заимствования в древнеанглийском языке имеют тесную связь с началом англо-саксонского поселения в Британии и христианизацией англосаксов. Латинские заимствования подразделяются на периоды, каждому из которых свойственны слова определенных сфер жизнедеятельности человека, которые претерпевали в те времена определенное развитие.

Основной христианский вокабуляр составили религиозные заимствования периода христианизации Британии. Многие ЛСВ тогдашних «церковных» заимствований переосмыслены и интерпретированы сегодня по-другому. Другими мощными источниками РЛАМ являются древнеисландский и французский языки, а также другие европейские и азиатские языки.

Литература

1. Ababneh L. Comparative arabic and english literacy: A study of female university students' practices in Saudi Arabia // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. № 5 (1). P. 1 – 7. https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.5n.1p.1

2. Afzal H., Mukhtar T.. Semantically Enhanced Concept Search of the Holy Quran: Qur'anic English WordNet // Arabian Journal for Science and Engineering. 2019. № 44 (4). P. 3953 – 3966. https://doi.org/10.1007/s13369-018-03709-2

3. Aravamudan S. Guru English: South Asian religion in a cosmopolitan language. Guru English: South Asian Religion in a Cosmopolitan Language. 2011.

4. Cree J.M.. Protestant evangelicals and addiction in early modern English // Renaissance Studies. 2018. № 32 (3). P. 446 – 462. https://doi.org/10.1111/rest.12328

5. Goncharova O.V, Khaleeva S.A. Language Specifics and Typology of Means of Response to Communicative Aggression (Examples of Women's Responses in English-Speaking and Russian-Speaking Muslim Chats) // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. № 198. P. 413 – 420. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_47

6. Kajumova D.F., Sadykova A.G., Davletbaeva D.N., Aleeva G.K., Vildanova E.M., Valiullina G.F., … Aydarova A.M. Using of phraseological units of the concept "the fate of man" in the lessons of Foreign languages // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. № 24 (3). P. 1863 – 1870. https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I3/PR200934

7. Lajis N.H.M. Rhyming and singing: Tongue training toward second language automaticity. Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts. 2015. Vol. 198. https://doi.org/10.3726/978-3-0351-0842-2

8. Timofeeva O. Lexical Loans and Their Diffusion in Old English: of 'gospels', 'martyrs', and 'teachers' // Studia Neophilologica. 2017. № 89 (2). P. 215 – 237. https://doi.org/10.1080/00393274.2017.1297208

9. Westfall C.L. The human one? A controversial CEB translation choice // Open Theology. 2016. № 2 (1). P. 895 – 906. https://doi.org/10.1515/opth-2016-0068

10. Wright L. The multilingual origins of standard english. The Multilingual Origins of Standard English. 2020. https://doi.org/10.1515/9783110687545

References

1. Ababneh L. Comparative arabic and english literacy: A study of female university students' practices in Saudi Arabia. International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. № 5 (1). P. 1 – 7. https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.5n.1p.1

2. Afzal H., Mukhtar T.. Semantically Enhanced Concept Search of the Holy Jauran: Jaur'anic English Shhord-Net. Arabian Journal for Science and Engineering. 2019. № 44 (4). P. 3953 – 3966. https://doi.org/10.1007/s13369-018-03709-2

3. Aravamudan S. Guru English: South Asian religion in a cosmopolitan language. Guru English: South Asian Religion in a Cosmopolitan Language. 2011.

4. Cree J.M.. Protestant evangelicals and addiction in early modern English. Renaissance Studies. 2018. № 32 (3). P. 446 – 462. https://doi.org/10.1111/rest.12328

5. Goncharova O.V, Khaleeva S.A. Language Specifics and Typology of Means of Response to Communicative Aggression (Ehamples of Shhomen's Responses in English-Speaking and Russian-Speaking Muslim Chats). Lecture Notes in Netshhorks and Systems. 2021. № 198. P. 413 – 420. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_47

6. Kajumova D.F., Sadykova A.G., Davletbaeva D.N., Aleeva G.K., Vildanova E.M., Valiullina G.F., … Aydarova A.M. Using of phraseological units of the concept "the fate of man" in the lessons of Foreign languages. International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. № 24 (3). P. 1863 – 1870. https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I3/PR200934

7. Lajis N.H.M. Rhyming and singing: Tongue training toshhard second language automaticity. Bridging the Gap betshheen Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contehts. 2015. Vol. 198. https://doi.org/10.3726/978-3-0351-0842-2

8. Timofeeva O. Lehical Loans and Their Diffusion in Old English: of 'gospels', 'martyrs', and 'teachers'. Studia Neophilologica. 2017. № 89 (2). P. 215 – 237. https://doi.org/10.1080/00393274.2017.1297208

9. Shhestfall C.L. The human one? A controversial CEB translation choice. Open Theology. 2016. № 2 (1). P. 895 – 906. https://doi.org/10.1515/opth-2016-0068

10. Shhright L. The multilingual origins of standard english. The Multilingual Origins of Standard English. 2020. https://doi.org/10.1515/9783110687545

Tselkovnikov B.M., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,

Kuban State University

HISTORICISM OF REINTERPRETATION AND INTERPRETATION OF "ECCLESIASTICAL" LEXICAL BORROWINGS IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC PARADIGMS

Abstract: functional-semantic and lexico-grammatical study of vocabulary involves not only the study of individual lexemes and their properties, but also their interaction with other linguistic units as part of synonymic, antonymic and other linguistic paradigms. The largest paradigmatic association of linguistic units, as is known, is the semantic field – a set of lexical units united by a commonality of content (sometimes by a commonality of formal indicators) and reflecting the conceptual, substantive or functional similarity of the designated phenomena. These are words related to the same fragment of reality. Exploring the place of lexico-semantic paradigms in the lexico-semantic system. the authors found that the vocabulary of the language includes, in addition to the macro level, also the level of semantic connections of words within the lexicosemantic group and semantic field (micro level) and semantic connections between the latter within the entire dictionary as a whole (mega level).

Keywords: semantics, religion, English, structure, subsystem

Ширкунова А.В., ассистент,
Псковский государственный университет

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: статья посвящена проблеме сопоставительного исследования языковой образности. Обосновывается целесообразность сопоставления признаковых слов разносистемных языков с целью выявления сходств и различий в механизмах развития образности, выявления универсальной метафоры и универсальных образных мотивов. Материалом для сопоставления являются имена прилагательные русского, английского и туркменского языков с метафорическим значением. Материал разделен на тематические группы в соответствии с мотивом номинации. Внутри тематической группы выделяются полные соответствия метафорических прилагательных, частичные сходства, когда образный мотив реализуется разными синтаксическими конструкциями и полное отсутствие образных соответствий. Наибольшая специфика в оформлении образного мотива отмечена в туркменском языке, где в силу грамматической системы относительные прилагательные – очень немногочисленны. Признаки, которые передаются относительными прилагательными в русском и английском языке имеют туркменские соответствия в виде падежных форм существительных. Метафорические значения, которые развиваются у русских и английских относительных прилагательных, часто передаются в туркменском языке устойчивыми сравнениями. По результатам сопоставительного анализа делается вывод о фактах неполной метафоризации признаковых слов в туркменском языке. Концепция представлена и в формате словарной статьи. Отмечается практическая значимость сопоставительной лексикографической разработки метафорических языковых единиц.

Ключевые слова: лексика, семантика, признаковые слова, метафора, метафорический образ, переносное значение, сопоставительный анализ, межъязыковые параллели, сопоставительный словарь

Признаковыми словами называют синтаксически специализированные в признаковой функции полнозначные слова с лексическим значением признака [1, с. 248]. С точки зрения языковой категории, это могут быть слова разных частей речи: имена прилагательные, глаголы, наречия. Но если семантика глагола зачастую указывает на процессуальные признаки (действия, состояния), семантика наречия – на признаки признака, то имя прилагательное обозначает непроцессуальные признаки (качества, свойства, отношения) предметов.

С.М. Толстая пишет, что тот или иной объект (предмет, лицо, растение, действие и др.) выполняет функцию носителя определенного признака, которая закрепляется за ним языком культуры. Исследователь приводит в пример веретено, которое, имея заостренную форму, может становится символом остроты (затем способности колоть, оружия), и делает вывод, что в данном случае признак и носитель как бы меняются местами: не признак характеризует предмет, а предмет (явление, действие) становится обозначением, символом, представителем или даже заместителем одного из своих признаков [2, с. 10].

Целью нашего исследования является сопоставительный анализ слов с признаковой семантикой в русском и туркменском языках с привлечением английских лексико-семантических параллелей.

Источником русскоязычного материала стал 4-томный толковый «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [3], туркменский материал отобран из «Туркменско-русского словаря» под редакцией М.Я. Хамзаева [4]. Англоязычные параллели приводятся по «Англо-русскому и русско-английскому словарю» (В.К. Мюллер, С.К. Боянус) [5].

Сопоставительный анализ проводился в рамках тематических групп, что было целесообразным в плане решения последующей задачи – создания трехъязычного тематического сопоставительного словаря признаковых слов.

Практическое значение такого словаря заключается в том, что он может быть полезным при изучении русской метафоры в сопоставительном аспекте. Словарь носит «открытый» характер, т.е. может расширяться, включая новые тематические группы слов, словарные статьи могут уточняться и пополняться.

Представим выделенные нами тематические группы.

1. Прилагательные с общим исходным значением ‘изготовленный из ткани’ (*атласный, бархатный, льняной и т.п.*).

Как известно, основе метафоры лежит скрытое сравнение (*волосы как шелк – шелковые волосы, кожа как бархат – бархатная кожа).*

Нередко в английском и туркменском языках русские прилагательные, развивающие метафорические значения, не имеют однокорневых метафорических эквивалентов, например, русскому *бархатный голос* в английском соответствует *rich* (богатый, насыщенный) *voice*, в туркменском *ýumşak* (мягкий, нежный) *ses*. Поэтому в данном случае уместно говорить не об универсальной метафоре, а об универсальном метафорическом образе, который встречается во многих конкретных языках.

Здесь мы видим также различия на уровне синтаксических конструкций: русские относительные прилагательные, приобретающие качественный оттенок в сочетании с существительными, соответствуют в туркменском языке сочетанию двух существительных, первое из которых выступает в роли определения, а второе – в роли определяемого слова. Например, *щелковые волосы* - *ýüpekýaly saç*. Эта особенность туркменского языка объясняет процесс метафоризации в данном языке, который зачастую останавливается на промежуточном этапе – прямом сравнении.

Пример отсутствия метафорического значения у одного и того же прилагательного в разных языках покажем на примере параллели *ватный* / *cotton*, поскольку естественная вата изготавливается из растительных волокон (хлопкового, льняного, шерстяного, шелкового, пухового и т.д.). Русское прилагательное в метафорическом значении используется в сочетании *ватные ноги,* которое употребляется, когда речь идет об обмякшем, лишенном способности двигаться, действовать человеке. В английском языке для выражения этой метафоры вместо прилагательного *cotton* используется лексема *numbed* (*feet*) (букв. *онемевшие*), в туркменском языке – *ysgynygaçan* (букв. *бессильные*). В этих языках данный метафорический не зафиксирован словарями.

2. Прилагательные с общим исходным значением ‘изготовленный изминералов’ (*агатовый, бирюзовый, жемчужный, каменный, коралловый, меловой, опаловый, янтарный* и т.п.). В основу метафорического переноса ложится то или иное свойство минерала (твердость, хрупкость, прозрачность, цвет, блеск, гладкость и т.д.).

Например, совпадающие по метафорической образности: *агатовые глаза* / *agate eyes* / *ýaldyrapduran gara gözler* (букв. *сияющие черные глаза* – метафорический образ отсутствует) – ‘сияющие, похожие на агат по цвету и блеску’; *изумрудные глаза / emerald eyes / zümerretreňk gözler* (букв. *глаза цвета изумруда*) – ‘ярко-зеленые, цвета изумруда’; *мраморная шея* / *marble neck* / *mermerý alyakboýun* (букв. *шея белая, как мрамор*) – ‘белая, гладкая, как мрамор’; *янтарное солнце*/ *amber sun* / *ýantar gün*– ‘золотисто-желтое, цвета янтаря’. И несовпадение образности: *каменное сердце* / *heart of stone* (букв. *сердце из камня*) / *doňýürek* (букв. *Равнодушное, холодне сердце* – метафорический образ камня отсутствует); *кремнёвый человек* / *flintlock man* / *berk adam* (букв. *крепкий человек* – метафорический образ отсутствует).

3. Прилагательные с общим исходным значением ‘изготовленный из металла / сплава’ (*железный, золотой, металлический, свинцовый, серебряный, стальной* и др.). В основу метафорического переноса ложится то или иное свойство металла или сплава (твердость, гибкость, тяжесть, плотность, цвет, блеск, ценность, звук от удара по металлу и т.д.).

Например, *железное здоровье* / *iron health* / *berk saglyk* (букв. *крепкое здоровье* – в туркменском языке метафорический образ отсутствует); *золотые кудри* / *golden curts* / *altynreňkli buýrasaç* (букв. *кудри цвета золота*); *золотое сердце* / *heart of gold* (букв. *сердце из золота*) / *gyzylýaly ýürek* (букв. *сердце как золото*) – ‘о человеке замечательном по своим достоинствам, прекрасном’; *металлический голос* / *metallic voice/ gazaply ses* (букв. *гневный голос* – в туркменском языке метафорический образ отсутствует).

4. Прилагательные с общим исходным значением ‘изготовленный из осадочных горных пород и породообразующих минералов’ (*стеклянный, фарфоровый, хрустальный*). Развитие метафорического значения связано с такими качествами этих материалов, как хрупкость, цвет, прозрачность, блеск, ценность, звук от удара по предмету из данного материала и т.д. Отметим основное различие: в русском и английском языках у слов *хрустальный* / *crystal* обнаруживается общее переносное значение ‘прозрачный, сверкающий’. Например, *хрустальная вода* /*crystal water*. Ср. в туркменском: *dury suw* – ‘чистая, прозрачная вода’ (метафорический образ отсутствует).

5. Прилагательные с общим исходным значением ‘сделанный из материала, состоящего из воды’ (*ледяной, снежный*). Например, сходные в трех языках образы: *снежная белизна / snowy whiteness / gar ýaly ak* (букв. *белый как снег*) – ‘свойственный снегу; похожий на снег (по цвету, виду)’; но: *ледяной взгляд / icy look / sowukgar aýyş* (букв. *холодный взгляд* – в туркменском языке метафорический образ отсутствует) – ‘крайне сдержанный, презрительно-холодный, уничтожающий’.

6. Прилагательные с общим исходным значением ‘изготовленный из сладкого вещества / изделия’ (*конфетный, медовый, паточный, сахарный*). Здесь особенно много отличий в туркменском языке, где образность у данных слов не развивается, например, *сахарные зубы* / *sugar teeth*; *сахарная улыбка* / *saccharine smile* – в туркменском языке образ отсутствует.

Данная группа слов интересна тем, что наиболее зримо демонстрирует различия в национальной специфике метафоры в разных языках. Особенно это проявляется в сочетаниях данных прилагательных со словами *лицо*, *внешность* (*конфетная внешность*) и *голос* (*медовый голос*, *паточный голос* и др.). Во всех исследуемых нами языках в этих метафорах присутствует как образное представление и информация об оценке, так и выражение некоторого чувства-отношения. Но если в русском и английском языках эти устойчивые сочетания имеют оттенок неодобрения, то в туркменском языке сочетания типа *сладкий голос – süýji sözler* скорее передают положительную оценку, эмоции одобрения и восхищения. Причины такого несоответствия в коннотативной зоне семантики данных метафорических сочетаний следует, как нам кажется, искать в особенностях национального сознания, национального характера носителей исследуемых нами языков.

В сопоставительных исследованиях языковой образности важна работа не только с изолированными семантическими единицами, но и с текстами, где эти слова вступают в различные отношения с другими словами, способствует не только лучшему пониманию и усвоению материала, но также и развитию языкового чутья обучающихся, формированию у них речевой компетенции, а также расширению их читательского кругозора.

Нами была сформирована основа корпуса текстов, содержащих исследуемые нами признаковые слова с метафорической семантикой. На данный момент это 36 текстов, которые представляют собой фрагменты из русской художественной литературы XIX-XX вв. (произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.И. Куприна, А. Белого, В.В. Набокова, М. Горького, Б. Полевого, С. Скитальца и др.)

Источником для отбора материала послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в котором в электронном формате собраны русские тексты, относящиеся к различным стилям (художественные, научные, публицистические и т.д.). Материалом стали поэтические и прозаические фрагменты из художественной литературы. В дальнейшем подборка может пополняться параллельными текстами на английском, туркменском и др. языках. Это даст возможность проследить и особенности перевода метафорических оборотов с русского языка на английский и туркменский.

Следующей нашей задачей является разработка модели семантического сопоставительного полиязычного словаря.

Приведем пример словарной статьи. Для обозначения семантических лакун используется прочерк (−). Знаком ~ обозначаются синтаксически различающиеся способы выражения значения с общим признаковым стержневым компонентом, напр., рус. *металлический* – туркм. *metaldan edilen* (букв. *сделанный из металла*); знаком ~~ отмечены случаи функциональных аналогий без общего признакового стержневого компонента (когда метафорический образ отсутствует), например, рус. *стальные нервы* – туркм. *berk nerwler* (букв. *крепкие нервы*).

Таблица 1

Русский язык	Английский язык	Туркменский язык
Агатовый – 1. Прил. к *агат*. Сделанный из агата. *Агатовая ваза*	**Agate** – 1. Сделанный из агата. *Agate bowl*	**Agat**; **agatdanedilen –** 1. Сделанный из агата. ~ *Agatdan edilen waza* (букв. *ваза, сделанная из агата*)
2. *перен*. Похожий на агат по цвету или блеску. *Агатовые глаза*	2. *перен*. Похожий на агат по цвету или блеску. *Agate eyes*	2.~ ~ *Ýaldyrapduran gara gözler* (букв. *Сияющие черные глаза*)

Анализ семантики выявленных лексем русского, английского и туркменского языков показал, что процесс перехода относительных прилагательных в качественные является актуальным для современных языков разных типов. Как в русском языке, так и в других есть такие универсальные устойчивые метафорические сочетания.

В ходе исследования переносного, метафорического значения признаковых слов русского языка мы считаем необходимым использовать опору на семантические универсалии. В понимании языковой универсалии мы исходим из положения о том, что рассматриваемое явление имеет специфику проявления в разных конкретных языках при наличии самого механизма метафоризации.

Практическим результатом сопоставительного описания значений лексем сопоставляемых языков является создание семантического сопоставительного полиязычного словаря, в котором представлены устойчивые метафорические производные, характерные для русского, английского и туркменского языков.

Литература

1. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. 2-е изд., испр и доп. СПб.: СПбГУ, 2007. 819 с.

2. Толстая С.М. Категория признака в символическом языке культуры (вместо предисловия) // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 7 – 20.

3. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.

4. Баскаков Н.А., Каррыев Б.А., Хамзаев М.Я. Туркменско-русский словарь / под ред. М.Я. Хамзаева. М.: Советская Энциклопедия, 1968. 832 с.

5. Мюллер В.К., Боянус С.К. Англо-русский и русско-английский словарь: 40000 сл., 50000 сл. М.: АСТ: Астрель, 2002. 1408 с.

References

1. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoj semantiki: uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr i dop. SPb.: SPbGU, 2007. 819 s.

2. Tolstaja S.M. Kategorija priznaka v simvolicheskom jazyke kul'tury (vmesto predislovija). Priznakovoe prostranstvo kul'tury. Otv. red. S.M. Tolstaja. M.: Indrik, 2002. S. 7 – 20.

3. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. AN SSSR, In-t russkogo jazyka; pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij jazyk, 1981-1984.

4. Baskakov N.A., Karryev B.A., Hamzaev M.Ja. Turkmensko-russkij slovar'. pod red. M.Ja. Hamzaeva. M.: Sovetskaja Jenciklopedija, 1968. 832 s.

5. Mjuller V.K., Bojanus S.K. Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar': 40000 sl., 50000 sl. M.: AST: Astrel', 2002. 1408 s.

Shirkunova A.V., Assistant Professor,

Pskov State University

THEMATIC GROUPS OF WORDS WITH METAPHORICAL SEMANTICS IN THE COMPARATIVE ASPECT

Abstract: the article is devoted to the problem of comparative study of linguistic imagery. The expediency of comparing adjectives of diverse languages is substantiated in order to identify similarities and differences in the mechanisms of development of imagery, to identify universal metaphors and universal figurative motives. The material for comparison is adjectives of the Russian, English and Turkmen languages with metaphorical meaning. The material is divided into thematic groups according to the motive of the nomination. Within the thematic group, there are complete correspondences of metaphorical adjectives, partial similarities when the figurative motif is realized by different syntactic constructions and the complete absence of figurative correspondences. The greatest specificity in the design of the figurative motif is noted in the Turkmen language, where, due to the grammatical system, relative adjectives are very few. Signs that are indicated by relative adjectives in Russian and English are transmitted by the Turkmen case forms of nouns. Metaphorical meanings that develop in Russian and English relative adjectives are often transmitted in the Turkmen language by stable comparisons. According to the results of the comparative analysis, the conclusion is made about the facts of incomplete metaphorization of adjectives in the Turkmen language. The concept is also presented in the format of a dictionary entry. The practical significance of comparative lexicographic development of metaphorical language units is noted.

Keywords: vocabulary, semantics, adjective, metaphor, metaphorical image, figurative meaning, comparative analysis, interlanguage parallels, comparative dictionary